

На расслабленном лице Юн Шаня появилась мягкая улыбка, пока он тихо наблюдал за спящим Юн Ци. Для него происходящее было действительно ни с чем не сравнимым удовольствием.

«Юн Ци, мой старший брат Юн Ци».

Юн Шань сидел, не двигаясь, словно застывшее изваяние, в итоге потеряв счёт времени. Он не отводил глаз от мирно сопящего на кровати брата, однако спустя какое-то время Юн Шань всё же зашевелился. Он опустился рядом с Юн Ци, приблизившись к тому настолько, что смог легонько коснуться его лица кончиком носа, обдавая своим горячим дыханием его нежную кожу.

Его дыхание было нежным и ласковым. Юноша не был уверен, разбудит ли это спящего или нет.

И вдруг Юн Шань вспомнил, как однажды он уже наблюдал нечто подобное. Он точно не помнил, как давно это было, но произошло это, как и сейчас, в полдень. Юн Ци уснул в каменном павильоне, размещённом в саду, точно так же читая книгу. Вполне понятно, что Юн Шань первым заметил спящего Юн Ци, однако в тот раз он просто наблюдал издали. Но затем пришёл Юн Линь и тут же устремился в павильон. Приблизившись к Юн Ци, младший брат осторожно и легко подул ему на лицо. Он дул на него, радостно хихикая. В какой-то момент Юн Ци проснулся и резко вскочил, неосознанно пробормотав едва разборчивое: «Что?». Юн Линь залился ещё большим смехом и, вытянув руки, нежно обвил шею Юн Ци, заставляя того присоединиться к его веселью и посмеяться вместе с ним.

Они были так беззаботно счастливы, что совершенно не замечали тихо стоящего в тени Юн Шаня.

И в это время искренний и радостный смех двух братьев врезался в сердце Юн Шаня, словно нож, оставляющий глубокие саднящие раны.

Если бы Юн Шань мог позволить себе точно так же бесстрашно войти в каменный павильон, как это сделал Юн Линь, и так же запросто подойти к Юн Ци, подразнить его своим дыханием...

Вздых.

Юн Шань подался ближе и опалил чужое лицо своим дыханием.

Тёплый воздух всколыхнуло несколько прядей, свисавших с уха Юн Ци. Оно заставило их слегка приподняться и нежно скользнуть по его щеке, белой и гладкой, словно нефрит.

Кожа Юн Ци была очень красивой и нежной. Если на ней появлялась слезинка, которая, сопротивляясь, всё же падала с густых ресниц юноши, то его лицо преображалось: становилось

ещё более очаровательным. Эта красота сводила Юн Шаня с ума. Во время заключения Юн Ци во Дворце Наказаний слёзы лились из его глаз, оставляя мокрые дорожки на щеках почти каждый день. С одной стороны, Юн Шань ненавидел его за подобную слабость, ведь великому мужу не подобает проявлять такую слабость, тем более Юн Ци, сыну императора. С другой стороны, в глубине души Юн Шань наслаждался этими слезами, которые, к тому же, сопровождались мольбами о пощаде.

«А знаешь что, старший брат? На самом деле ты не должен был уезжать в Наньлинь, равно как и не должен был оказаться во Дворце Наказаний... И не должен был проливать столько слёз. Отец-император прекрасно это понимал. Не нужно было никакого расследования — с самого начала он прекрасно знал, что ты невиновен. Весь этот каламбур устроили ради меня, понимаешь? И я действительно боюсь, что однажды ты всё поймёшь».

Несмотря на мысли, бушующие в голове юноши, Юн Шань нежно прижался к губам Юн Ци.

Мягкие и тёплые губы старшего брата невольно отозвались лёгким трепетом.

Юн Шань не мог представить более мягких и прекрасных губ, чем у Юн Ци. Больше всего юноша боялся разбудить брата, но его охватило сильное желание. Он пытался сдерживать себя, но все старания были тщетными. Юн Шань старался унять сердце, что яростно трепетало в груди, но оно совсем не слушалось хозяина. Коснувшись губ Юн Ци, Юн Шань не выдержал и кончиком языка скользнул по ним легко и почти невесомо.

— М-м... — вдруг еле слышно простонал Юн Ци.

Услышав голос брата, Юн Шань резко выпрямился и внимательно взгляделся в его лицо. Похоже, тот всё ещё спал. Желание Юн Шаня усилилось, вызвав тянущее чувство внизу живота. Даже его рассудок, которым он всегда гордился, помутнился. Не в состоянии более сдерживаться, Юн Шань стал медленно опускаться, чтобы лечь рядом с Юн Ци.

Однако в этот самый момент Юн Ци поднял руку и рассеянно потёр глаза обрамлённые густыми ресницами. Спросонья юноша ещё не успел ничего сообразить, а потому лишь долго глядел на сидевшего перед ним Юн Шаня, и его взгляд оставался слегка затуманенным. Внезапно осознав, что перед ним младший брат, очаровательное лицо Юн Ци вмиг переменялось:

— Почему ты...

— Почему я здесь? — перебил он его. — Кажется, ты забыл, что это дворец наследного принца, то есть мой, — сказал Юн Шань с лёгкой усмешкой, снисходительно глядя на брата и пряча своё недавнее замешательство. Он взял Юн Ци за руку и потянул его на себя, помогая старшему брату приподняться с постели: — Вставай. На улице чудесное тёплое солнце, тебе стоит выйти и погреться в его лучах. Это поможет твоему телу не быть столь истощённым. — И пусть он говорил, что хочет, чтобы Юн Ци погрелся на солнце, однако в то же время сам Юн Шань не поднялся с места и не выпустил руки старшего брата из своей ладони. Вместо этого

он притянул Юн Ци ближе к себе, его рука скользнула и легла на талию брата, и Юн Шань, цокнув языком, произнёс: — Чан Дэфу сказал, что тебе нравится шпинат, но я считаю, что тебе стоит есть не только овощи, но и чуть больше мяса и рыбы. Если не будешь хорошо питаться, твоё тело совсем истощится.

Чувствуя, как рука Юн Шаня скользит по талии, а вторая сжимает его ладонь, Юн Ци ощутил, как его охватили страх и стыд одновременно. На едва проснувшемся лице проступил лёгкий румянец, благодаря которому юноша выглядел не только изящно, но и очень обворожительно, женственно.

Юн Шань, увидев эту картину перед собой, чуть не обезумел. Взгляд чёрных, как смоль, глаз буквально впился в испуганного юношу, заставив тело Юн Ци затрепетать в его руках.

Когда тишина стала почти удушающей, к несчастью для Юн Шаня, по спальне разнёсся громкий голос Юн Линя:

— Старший брат Юн Ци, скорее просыпайся! Пока старшего брата Юн Шаня нет во дворце, мы можем...

Двери широко распахнулись, и Юн Линь шумно ворвался в комнату. Увидев Юн Шаня, младший из братьев обомлел и сразу же умолк, после недолгой паузы всё же выдавив не своим голосом:

— Юн Шань, почему ты здесь?

— Сегодня действительно очень странный день. Кажется, все забыли, что это, между прочим, мой дворец, дворец наследного принца. Отчего все, кто меня здесь видит, интересуются, что же я тут делаю? — Юн Шань почувствовал, как Юн Ци пытается высвободить свою руку из его плена, но вместо того, чтобы позволить ему это сделать, Юн Шань специально покрепче стиснул её, нарочно сохраняя столь двусмысленную позу. Посмотрев на Юн Линя, он продолжил: — Чем это вы думали заняться, пока меня нет?

Юн Линь состроил гримасу, выражающую недовольство тем, что его поймали на месте преступления. Он нервно почесал затылок, взъерошив свои волосы, но так и не нашёлся, что ответить.

Юн Ци слегка кашлянул и ответил вместо Юн Линя:

— Мы договорились вместе потренироваться в написании иероглифов после обеда.

— Верно! Тренироваться в написании иероглифов! — тут же отозвался Юн Линь, сказав с удручённым видом: — В прошлый раз матушка долго ругала меня за неаккуратно написанное слово, поэтому я попросил старшего брата Юн Ци научить меня красивой каллиграфии. Юн

Ци, я вижу, ты уже достаточно поспал, так что идём скорее! Будешь учить меня писать.

Глядя на то, как эта парочка взаимодействует друг с другом, ещё и осмелившись «петь одну песню» ему в лицо, Юн Шань пришёл в ярость.

Рука Юн Ци была подобна редкому глубоководному жемчугу, ярко блестящему на солнце, и сейчас она лежала в ладони Юн Шаня. Он очень жалел, что не мог сжать её изо всех сил, раздробить, растереть в порошок собственными пальцами. Но стоило этой мысли мелькнуть в его голове, как Юн Шань внезапно испугался: «Как я могу думать о подобном? Получается, я такой же злой и жестокий, как наш отец-император?»

Целый вихрь из мыслей вскружил голову Юн Шаню. Тот изменился в лице, и его взгляд, который он устремил на Юн Ци, тоже переменялся. Сначала он был острым и неприятным, но вскоре в нём появились нотки тепла и нежности. Юн Ци знал, что Юн Шань свиреп и ужасен, словно злой дух, и разозлить его было также легко, как перелистнуть страницу. Стараясь не выказывать растущее беспокойство, Юн Ци опустил взгляд, стараясь спрятаться от глаз Юн Шаня. Обнажив свой страх, Юн Ци больше напоминал зверька, попавшего в лапы хищника. И этот маленький перепуганный зверёк предпочёл тихо наблюдать за зверем, пытаясь угадать, в каком тот сейчас настроении и голоден ли он.

Трепеща от ужаса, Юн Ци прислушивался к дыханию Юн Шаня, которое постепенно успокаивалось, с каждым мигмом становясь ровнее и размереннее.

— Ваше Высочество третий принц только и может, что с утра до вечера забавляться и галдеть, а тут тебе вдруг захотелось потренироваться в каллиграфии? Это действительно огромная редкость. — Юн Шань разжал пальцы и выпустил Юн Ци, не оставив никаких следов на его нежной коже. Придав своему голосу важности, присущей старшему брату, Юн Шань обратился к Юн Линю: — Если ты хочешь, чтобы Юн Ци обучал тебя, то хорошенько тренируйся и не ленись. И учти, сегодня до ночи ты должен написать не меньше семи-восьми листов. И не забудь показать их матушке, пускай она порадуетя.

Юн Линь знал, что его второй старший брат суров и безжалостен, его трудно обвести вокруг пальца, но он никак не ожидал, что сегодня ему внезапно удастся так легко отделаться от Юн Шаня. Поняв, что брат-близнец поверил в их маленькое шоу, Юн Линь поспешно кивнул, глупо улыбаясь.

Юн Шань очень хотел остаться, но, понимая, что его присутствие совершенно нежелательно, лишь тихо вздохнул и поднялся на ноги, потянувшись.

— Не спешите во время занятий. Бумагу и кисти вы найдёте в кабинете. И да, Юн Линь, не трогай мою кисть, ты можешь её испортить. У меня есть дела, которые нужно решить, поэтому я не смогу составить вам компанию.

Юн Шань вернулся во внутренние покои и, опустившись на стул из жёлтого палисандра, ненадолго задумался. Повелев слуге позвать к себе телохранителя Его Высочества, которому

он доверял, Юн Шань приказал:

— В последнее время у пятого принца Юн Шэна появилось очень много дел, пошли нескольких своих людей, пускай следят за каждым его шагом. И независимо от того, важное это дело или пустяк, сразу же докладывай мне.

Когда телохранитель вышел из комнаты, оставив его одного, Юн Шань достал из-за пазухи письмо, написанное Гун Ухуэем. Пробежав взглядом по строчкам, он свернул его и положил в потайной ящик, а затем вновь достал белый нефритовый флакон.

Гун Ухуэй является обыкновенным мелким чиновником, и только, однако в действительности этот мужчина неожиданно оказался влиятельным человеком, талантливым, мужественным, говорящим и делающим. Этот мужчина достоин восхищения. Такого надёжного человека даже среди влиятельных подданных Его Величества вряд ли можно отыскать.

Но Юн Шэн не успокоится, пока Гун Ухуэй не умрёт.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы из-за Гун Ухуэя пострадали Юн Линь и Юн Ци.

Юн Шань попал в затруднительное положение, и чем больше он думал, тем сильнее болела голова. Сведя брови к переносице, он нервно схватил флакон и положил всё в тот же потайной ящик вместе с письмом. Юноша решил, что лучше всего это дело пока отложить в сторону. Достав доклады, что ему принесли рано утром, Юн Шань опустил голову и начал их внимательно просматривать, делая замечания.

Провозившись с делами больше получаса, Юн Шань ощутил жажду и приказал слугам:

— Подать чаю.

Деревянная дверь распахнулась, и Чан Дэфу лично принёс Его Высочеству горячий чай. Пока Юн Шань пил ароматный напиток, слуга шёпотом доложил:

— Ваше Высочество, лекарь Чжан прислал лекарство.

Юн Шань пристально поглядел на него:

— Принеси его сюда. Если получили от него лекарство, так и скажи, незачем говорить шёпотом, будто это нечто постыдное.

Чан Дэфу неловко улыбнулся с лёгкой усмешкой. Мужчина, как всегда не осмелившись издать ни звука, приблизился к юноше и снова тихо заговорил:

— Это лекарство не для ран, это... Это лекарство.

— А! — только сейчас вспомнил Юн Шань и, в свою очередь, сказал, снизив тон: — Оказывается, ты об этом. Какой эффект у лекарства? Пусть даже эффект будет медленным, главное, чтобы не повредить здоровье. Он сказал, сколько надо?

— Лекарь Чжан лично доставил его сюда и сказал, что это лекарство сделано по секретному рецепту его семьи. Эффект лекарства хороший, однако не сильнодействующий и нисколько не вредит физическому состоянию, благоприятно действует на все внутренние органы и является...

— Хватит, никто не хочет слушать твоих заученных фраз. Действовать надо чисто и аккуратно, чтобы Юн Ци ничего не увидел.

— Ваше Высочество, не переживайте, этого не случится. Способ применения этого лекарства также довольно прост: каждый день по одной маленькой таблетке растворять в воде, а после взять палочки для еды и покрыть этой лекарственной водой. Во время еды палочки с лекарством естественным образом попадут в рот. У самого лекарства нет ни вкуса ни запаха, даже самый внимательный человек не почувствует его.

Чан Дэфу замолчал. Юн Шань одним взглядом охватывал по десять строк и через некоторое время прочитал все документы. Устало зевнув, юноша подумал, что, пока он здесь тяжело работает и разбирается с проблемами своих братьев, уничтожая неприятный привкус страданий и горя, те двое могут наделать себе ещё больше неприятностей, но тем не менее они будут чувствовать себя в безопасности. Подумав об этом, Юн Шань не смог удержаться от горькой улыбки.

Почему мир так низко ценит жертвы?

Он поднялся на ноги, открыл дверь и направился в сторону кабинета. Дойдя до него, юноша распахнул двери и, заглянув внутрь, резко помрачнел.

Юн Линь действительно тренировался в каллиграфии, и Юн Ци также был рядом с ним, однако это положение было невыносимым.

На письменном столике была раскрыта рисовая бумага высшего качества, тушь уже наполовину была растёрта в тушечнице. Юн Линь сидел за столиком, а Юн Ци стоял за его спиной и, держа в руках его руку, показывал, как правильно нужно владеть кистью. Затаив дыхание и сконцентрировавшись на уроке, Юн Ци прижимался грудью к спине Юн Линя. Голова Юн Ци была немного наклонена: он смотрел на бумагу, контролируя процесс, а его лицо почти соприкасалось с лицом младшего брата. Глядя на их бесконечно близкое отношение друг к другу, Юн Шань вновь ощутил одновременно печаль и ярость.

Крепко стискивая и разжимая кулаки, Юн Шань какое-то время стоял на пороге, но вскоре,

подавляя в себе гнев, юноша всё же вошёл в комнату и, смеясь, сказал:

— Ты так сосредоточен на каллиграфии. Видимо, Юн Ци действительно хороший наставник.

— Юн Шань, ты уже покончил с делами? — Взявшись за кисть, Юн Линь повернул голову и, растягивая губы в улыбке, со смехом сказал: — Подожди немного, я сейчас закончу писать слово «тихо», и на сегодня, считай, я полностью выполнил задания.

Юн Шань подошёл и, встав рядом, поглядел на столик. Действительно, юноше оставалось дописать только «тихо». Само слово уже было написано наполовину: костьяк был написан правильно, невозмутимо и совершенно спокойно, но, к сожалению, задняя часть горизонтали была выполнена не до конца и приостановлена. Это был мелкий недочёт, но в целом работа выглядела неплохо.

Юн Шань понимал, что этот недочёт произошёл по его вине. Ведь стоило Юн Ци услышать его голос, как рука, которая сжимала руку Юн Линя, дрогнула, сделав эту крохотную ошибку.

Почему совершенно одинаковые братья в глазах Юн Ци отличались друг от друга, как небо от земли? Руку одного он мог спокойно держать в своей руке, обучая его каллиграфии, однако, услышав голос другого, он чувствовал себя не в своей тарелке.

Тихий взгляд внезапно изменился, став острым, словно лезвие кинжала, но через мгновение эта колкость исчезла.

Юн Шань наблюдал за тем, как один брат всё ещё смеет сжимать руку другого, как прижимается к нему, и эта близость вызывала в нём одну лишь ненависть.

<http://bllate.org/book/13372/1189563>